

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА¹

© 2022 г. Д. А. Керимов

Аннотация. Автор настаивает на том, что методологии права присущи ярко выраженные отличительные черты, которые детерминированы прежде всего самобытностью и оригинальностью предмета юридического освоения социального бытия. Подобное освоение происходит как в сфере духовной, так и в области сугубо практической. При этом методология права структурируется на трёх уровнях: фундаментальном, общенаучном и частнонаучном. Осмыслению первого, наиболее значимого из них, и посвящена данная работа.

Ключевые слова: методология, философия, право, научное познание, сущность, закономерность, правовая абстракция, логическое, историческое, практика.

Цитирование: Керимов Д.А. Методологические функции философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 96–102.

DOI: 10.31857/S102694520018855-1

METHODOLOGICAL FUNCTIONS OF THE PHILOSOPHY OF LAW²

© 2022 D. A. Kerimov

Abstract. The author insists that the methodology of law has pronounced distinctive features, which are determined primarily by the originality and originality of the subject of legal development of social existence. Such development takes place both in the spiritual sphere and in the purely practical sphere. At the same time, the methodology of law is structured at three levels: fundamental, general scientific and private scientific. This work is devoted to the comprehension of the first, the most significant of them.

Key words: methodology, philosophy, law, scientific cognition, essence, regularity, legal abstraction, logical, historical, practice.

For citation: Kerimov, D.A. (2022). Methodological functions of the Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 96–102.

¹ Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 1995. № 9. С. 15–22.

Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором А.Д. Керимовым.

² The article was published in the journal “State and Law” (1995), No. 9, pp. 15–22.
Abstract and key words are compiled by Doctor of Law, Professor A.D. Kerimov.

Принято считать, что методология едина для всех наук, но в каждой из них она обретает особенности, обусловленные своеобразием объекта и предмета познания. Именно специфика юридических объектов исследования требует относительно самостоятельного существования методологии права как части общефилософской методологии³.

Методология права имеет по крайней мере три основных уровня, а именно: фундаментальные методологические основания, общенаучные методы познания, частнонаучные способы и приемы исследования. Различение этих уровней имеет условный характер, поскольку они между собой органически связаны, взаимодействуют, проникают друг в друга и лишь в единстве выполняют свои функции.

В рамках одной статьи вряд ли удалось бы осветить хотя бы в основных чертах это единство, поэтому ограничимся характеристикой лишь первого из отмеченных уровней — фундаментальных методологических оснований познания юридических явлений и процессов⁴.

I

Как известно, любое научное познание движется от внешних представлений о конкретностях, данных в непосредственном восприятии, к постижению глубинной сущности всей их совокупности посредством абстрагирования от них и формулирования соответствующих общих понятий и определений. Вслед за этим познание вновь возвращается к данным конкретностям, как уже понятым в их сущности и закономерностях развития⁵.

В правовом исследовании определяется прежде всего конкретный объект познания и с помощью конкретно-юридических, юридико-психологических и иных методов выявляются его внешние признаки. По мере накопления эмпирических данных об объекте происходят их объединение и систематизация. В результате порождается первоначальное, внешнее знание об изучаемом правовом явлении или процессе. Однако, как отмечал Гегель, «то, что *известно* (bekannt), еще не есть *познание* (erkennt)»⁶. Поэтому дальнейшая задача состоит в том, чтобы проникнуть внутрь правовых явлений и процессов, определить их сущность, содержание, внутреннюю структуру, формы

выражения и на этой основе обосновать их закономерную необходимость, предвидеть перспективы их развития. Именно в этом пункте проходит тонкая грань между знанием и познанием, между осознанием правовой реальности и ее научным исследованием, которая (при всей однопорядковости и органической взаимосвязанности) отличает их друг от друга.

Для научного познания сущности и закономерностей развития права надлежит, отталкиваясь от эмпирических данных, восходить к их рационально-абстрактному выражению. До тех пор пока постижение правовых явлений и процессов не поднимется над их единичными проявлениями, научное познание остается несовершенным, поскольку оно в таком случае ограничивается, выражаясь языком И. Канта, лишь систематическим искусством или экспериментальным учением⁷. Оно не в состоянии воспроизвести все богатство правовой действительности, отражает только внешние и простые ее признаки, представляет собой снимок, где за случайным скрывается необходимость, а за отдельными явлениями и процессами — сущность. На помощь приходит абстракция, позволяющая обнаружить сущностные характеристики тех или иных правовых объектов, их «новые» качества, которые оказались недоступными для созерцательного восприятия, выявить их внутренние силы, отношения, противоречия.

В огромном многообразии конкретных проявлений правовой действительности первоначально выявляются и суммируются повторяющиеся или одинаковые фрагменты. Но такое общее может включать в себе и несущественные (второстепенные, случайные) признаки правовых объектов. Поэтому образование правовых абстракций движется далее по пути отвлечения от подобных признаков и обнаружения тех признаков, которые составляют сущность и специфику данных объектов. В юридических абстракциях, следовательно, находят отражение не только существенные, общие признаки правовых объектов, но и те, которые характеризуют их специфику.

Правовая абстракция отнюдь не является продуктом произвольного теоретизирования; она рождается на почве юридической практики, резюмирует, концентрирует, упорядочивает многосторонний практический опыт возникновения, действия и развития права. Отвлекаясь от отдельных правовых конкретностей, правовые абстракции не «отбрасывают» их, а сводят к тому общему, что заключено в этих конкретностях. Правовая абстракция есть обобщенное, концентрированное, интегрированное выражение правовых конкретностей,

³ В статье о предмете философии права отмечались особенности этой отрасли научного знания и указывалось, что ее методологические функции требуют специального рассмотрения (см.: Керимов Д.А. Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4).

⁴ Два других уровня методологии права предполагается рассмотреть в последующих статьях.

⁵ Гегель. Соч. Т. VI. С. 3157.

⁶ Гегель. Наука логики. М., 1970. Т. I. С. 83.

⁷ См.: Кант И. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 60.

своеобразный узловой пункт, в котором объединяются в строгой логической системе как их общие, так и специфические признаки. Тем самым правовая абстракция приобретает вполне конкретный характер. В отличие от конкретности, данной в непосредственном ощущении и представлении, она становится более богатой и разносторонней по содержанию, воспроизводит наиболее существенное, главное, основное, что свойственно внутренней природе правовых явлений и процессов. Именно поэтому в отличие от простого, чувственного созерцания или непосредственно-внешнего представления правовые абстракции полнее, глубже, истиннее воспроизводят правовую действительность. Более того, они по своему характеру конкретнее отдельных правовых объектов, поскольку воспроизводят их «в единстве многообразного».

С позиций изложенного едва ли правильно приписывать большую научную значимость работам, которые ограничиваются воспроизведением правовых конкретностей, данных, фактов, примеров из практики без их рационального осмысления, обобщения, без теоретических абстракций, заключений и выводов. Такая литература в лучшем случае лишь подтверждает, отрицает или иллюстрирует уже известные науке положения. Она не выходит за пределы описания обычной юридической практики и тем самым из основания исследования превращается в его оковы и сводится по сущности к оправданию любой практики. Например, с точки зрения «советского нормативизма» задача исследования видится лишь в воспроизведении и систематизации правовых норм без познания того, что является по отношению к ним отличным, противоположным, что одновременно предполагает и отрицает их. Между тем о научном познании правовой нормы можно говорить только тогда, когда изучена не только структурная ее организация или форма ее выражения вовне, не только практика реализации, но и те исторические условия, внутренние причины ее возникновения и функционирования, ее эффективность в воздействии не только на регулируемые общественные отношения, но и на всю общественную и личную жизнь граждан.

II

Одним из фундаментальных методологических оснований философии права является единство историко-логического исследования правовых объектов, позволяющее вскрывать историческую преемственность и логическую последовательность их развития. Современное состояние любого правового объекта, имеющее свои корни в прошлом, через отражение в настоящем устремлено в будущее. Историческое «в чистом виде» поставляет эмпирический материал и одновременно служит

основанием его логической интерпретации. Именно в этом коренится необходимое условие всестороннего познания правовых объектов, ибо, как отмечал Вл. Соловьев, «логический и эмпирический элементы одинаково необходимы для истинного познания, и следовательно, исключительное обозначение того или другого из этих элементов есть в обоих случаях одностороннее отвлечение...»⁸.

В основе логического лежит историческое, историческое же не только взаимодействует с логическим, но и проникает в него. Даже самая абстрактная логическая формула права является также и исторической, поскольку она есть результат сопоставления, анализа и обобщения определенного историко-правового опыта. Именно в силу синтезированной, интегрированной логическое проникает в существо правовых конкретностей, выявляет их внутренние исторические связи и взаимодействия. Тем самым логический аспект выполняет методологическую функцию в изучении истории права, ее многообразия в отдельные периоды, в эпохи различных стран.

Без исторического воспроизведения правового развития исключается возможность логического осознания его закономерностей, но и без логического осмысления объективного хода исторического развития права невозможно вскрыть внутренние причины и механизмы его движения. Разумеется, историческое исследование, воспроизводящее фактическое развертывание правовой жизни, первично по отношению к ее логическому исследованию; оно всякий раз выступает в качестве обязательной предпосылки, основы логического, поскольку важно знать историю развития правового объекта, подлежащего познанию.

Изучение истории развития правовых объектов позволяет создать логическую модель их закономерного развития, которая по мере расширения и углубления знаний будет уточняться, дополняться, совершенствоваться. Логическое исследование правовых явлений и процессов — это отнюдь не априорно «чистая» конструкция, а воспроизведение исторического в логической тенденции его движения. Такая логическая модель, вскрывающая закономерность исторического развития права, выступает, в свою очередь, в качестве основы более углубленного, всестороннего историко-правового исследования. Она ориентирует на обнаружение и фиксацию тех еще неразвитых, зародышевых тенденций, которым в силу их внутренних потенций принадлежит будущее. Она не только направляет историческое познание по определенному руслу, но и оказывается моделью будущего правового состояния общества, основные параметры

⁸ Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 107.

которого «заданы» его настоящим и прошлым. Именно с этим идеальным будущим «сверяются», оцениваются, прогнозируются правовые взгляды, факты, события, процессы. И какой бы парадоксальной на первый взгляд ни казалась включенность элемента будущности в историко-правовое исследование, он всегда присутствует в качестве ориентира в исследовании.

Конечно, предметом историко-правового исследования не является будущее состояние правовой системы. Речь идет о другом: о логическом приеме историко-правового познания, когда тотальное представление о будущей правовой системе как цели преломляется через анализ настоящего осмысление прошлого. Такой логический прием историко-правового познания дает возможность вскрыть тенденции развития права. Он необходим для того, чтобы в зигзагах, изломах истории сохранить общую перспективу, чтобы видеть главную нить исторического развития права.

Общая гипотетическая модель предполагаемого процесса исторического развития, основанная первоначально на профессиональной интуиции и догадках правоведа, впоследствии, в ходе исследования, обрастает историческими фактами правового развития, которые призваны подтвердить истинность данной модели. Если же выявленным фактам противоречит выдвинутая модель, она изменяется, уточняется или отбрасывается и заменяется иной, адекватной накопленным фактологическим материалам. Дальнейшее обогащение исследования историко-правовыми данными позволяет выдвинуть дополнительные модели (так сказать, модели второго порядка), которые также подтверждаются или отрицаются серией новых историко-правовых фактов. В последнем случае выдвинутые модели заменяются другими. Таким образом, вокруг общей гипотетической модели процесса исторического развития права систематизируются дополнительные модели второго порядка. Обоснованная достаточным количеством историко-правовых фактов вся система моделей (общей и дополняющих) превращается в результате логических обобщений в доказанный аналог действительного процесса исторического развития права. Сам же этот логический аналог становится началом выдвижения нового цикла моделей для более углубленного познания закономерного развития правовой системы общества.

Единство исторического и логического не допускает разрыва и противопоставления эмпирической истории права его социологической теории. Между тем в научной литературе можно наблюдать тенденцию изучения правовых явлений и процессов либо только в историческом, либо только в логическом аспекте. Допуская в принципе такого

рода «разделение труда», не следует забывать, что логика мышления исторична в той же мере, в какой история логична. «Логизация» исторического познания права вполне может достигнуть (и нередко достигает) такого уровня, который не только приблизит ее к социологическому познанию, но и позволит ей слиться с ним. Отсюда следует, что единство логического и исторического познания следует понимать не как сумму рядом расположенных явлений, а как их органическую связь, взаимодействие и взаимопроникновение, даже слияние в исследовательском процессе.

III

Право выступает перед исследователем как сложная система. Этим диктуется необходимость в соответствующем системном познании, позволяющем определить природу и характер связей, отношений и взаимодействий составляющих его компонентов (частей и элементов), вскрыть функциональное назначение и эффективность действия каждого из его компонентов и охарактеризовать его в целом. Тем самым правовая система воспроизводится во всей полноте и одновременно выявляется, что исследовано достаточно тщательно и что еще предстоит изучить.

Системность права выражается в следующих основных признаках:

а) компоненты правовой системы представляют собой нечто целое, соединены между собой по определенным сущностно-содержательным характеристикам;

б) правовая система обладает относительной самостоятельностью, имеет возможность видоизменять свои компоненты и создавать новые, может выступать в виде подсистемы другой, более объемной системы, необходимо связана с внешней средой;

в) правовая система образует единство в результате структурной упорядоченности ее компонентов; она тем самым представляет собой гармоничный «ансамбль», обеспечивающий субординацию, иерархичность, синхронность и устойчивость функционирования;

г) совокупность отмеченных признаков обусловливает главное свойство правовой системы — интегративность: каждый ее компонент существует и действует лишь во взаимодействии с другими, а нарушение характера и ритма действия одного компонента незамедлительно сказывается на функционировании других компонентов и правовой системы в целом.

Каждое правовое исследование ориентируется на отмеченные признаки, хотя нередко некоторые из них не учитываются. Так, при исследовании

системы права делается упор на дифференциацию ее отраслей и явно недостаточно изучаются пути укрепления их системного единства. Между тем в современных условиях, когда ощущается большая потребность в стабилизации общественных отношений, следует поддерживать гармоничность пропорционального развития компонентов правового системного целого. В свою очередь, успех в постижении этого целого зависит от знания составляющих его компонентов. Чем правильнее определены признаки отрасли, института и нормы права, тем обоснованнее будут рекомендации по совершенствованию системы права, ее логической последовательности, устойчивости.

Проблемы системы отраслей права, как известно, входят в предметы соответствующих отраслевых юридических наук и более или менее успешно разрабатываются. Хуже обстоит дело с общими вопросами – определением признаков отрасли права и правового института как относительно самостоятельных системных образований. Эти вопросы либо вовсе не исследуются, либо толкуются разноречиво. Представляется, что для отрасли права характерными признаками являются предмет и в определенной мере метод правового регулирования, специфические правовые принципы, особенности внутренней и внешней формы, своеобразный механизм регулирования, «нерасторжимость» входящих в нее институтов и обособленность законодательства.

Дифференциация права происходит и внутри отдельной отрасли права, что выражается, в частности в ее делении на ряд правовых институтов. Отдельно взятая правовая норма обычно не в состоянии урегулировать с требуемой полнотой и всесторонностью то или иное общественное отношение без взаимодействия с другими правовыми нормами, направленными прямо или косвенно на регулирование того же отношения. Совокупность правовых норм, сведенных в определенное системное целое, и образует правовой институт. Таким образом, отрасль права, будучи подсистемным образованием системы права, сама выступает в качестве системы по отношению к институтам права. Но и институт обладает всеми признаками системного образования, поскольку он представляет собой объективно сложившуюся внутри отрасли права в виде ее обособленной части – группы правовых норм, регулирующих с достаточной детализацией типичное общественное отношение и в силу этого приобретающих относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Коснемся теперь дискуссионной проблемы: о критерии подразделения отраслей права внутри единой правовой системы. Оставляя в стороне

критический разбор различных позиций по данной проблеме, ограничимся лишь соображением методологического характера. Метод правового регулирования, имея относительно самостоятельное значение в качестве классификационного признака системы права, в конечном счете зависит от своего предмета, т.е. тех общественных отношений, на которые оказывается правовое воздействие. Отсюда следует, что задача исследования системы права отнюдь не сводится лишь к провозглашению метода правового регулирования дополнительным, вспомогательным классификационным признаком. В процессе дальнейшего исследования общественных отношений, проникновения от их сущности первого порядка в сущность второго, третьего и т.д. порядка важно обнаружить те их особенности, стороны, черты, которые обусловили избрание законодателем именно этого метода правового регулирования. Проведение таких исследований в каждой отраслевой юридической науке не только позволит наиболее полно вскрыть единство предмета и метода правового регулирования, но и в случае их расхождения даст возможность законодателю использовать эффективные пути, способы и средства правовой регламентации соответствующих общественных отношений в конкретных условиях места и времени.

В прямой связи с системой права находится проблема систематизации законодательства. Ее актуальность обусловлена огромным потоком не только федеральных, но и региональных правовых актов.

Интенсификация законотворчества имела немало негативных последствий: излишнюю повторяемость одних и тех же положений в различных актах, громоздкость, несогласованность и противоречивость актов, их несовершенство не только с содержательной, но и с технико-юридической точки зрения. Это, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на правореализующую практику, ведет к расшатыванию законности и режима правопорядка.

Поэтому одной из неотложных задач является упорядочение прежде всего федерального законодательства путем его систематизации. Существенную роль в этом отношении призван сыграть Указ Президента РФ от 6 февраля 1995 г. «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации». Вызывает лишь недоумение ст. 1 Указа, в которой сказано: «Признать необходимой подготовку к составлению и изданию Свода законов Российской Федерации – официального систематизированного полного собрания действующих нормативных актов Российской Федерации». Что же предписывается создать – Свод законов или Собрание действующих федеральных нормативных актов? Трудно представить, что специалистам, готовившим данный Указ,

неведомо различие между Сводом законодательства (кодификация) и Собранием законодательства (инкорпорация), что Свод и Собрание и есть систематизация законодательства, что, наконец, имеется в виду создание свода или собрания не только законов, но и всего федерального законодательства в широком смысле, включающего в себя также нормативные указы Президента и постановления Правительства. Нельзя при подготовке столь высокого правового акта игнорировать элементарные требования законодательной техники.

IV

Научное знание всегда предполагает его реализацию в преобразовании природной и социальной среды, в совершенствовании человеческого мышления. Поэтому соотношение владения теоретическими знаниями и их практического использования — одна из фундаментальных проблем методологии. Между тем она не привлекла к себе должного внимания со стороны общественных наук, в том числе и правоведения. В философской, психологической и юридической литературе акцент больше делается на различие теории и практики и менее всего на их единство. В результате разрыв между ними доводится до крайности, теоретическая деятельность, понимается лишь как отражение практики, оказывается за рамками практики и в нее не включается; соответственно, и практика трактуется вне непосредственной связи с научным познанием. Однако нерасторжимость теоретической и практической деятельности, их взаимопроникновение, зависимость друг от друга требуют решения множества методологических вопросов. С одной стороны, необходимо ориентировать теорию на формулирование конкретных выводов, обращенных к практике, а с другой — указать наиболее целесообразные пути, формы и способы реализации этих выводов. Тем самым методологическая проблематика расширяется, в ее орбиту попадают, наряду с разработкой гносеологии, логики и диалектики познания объективной реальности, также и связи науки со всеми сферами практической деятельности, что, в свою очередь, влияет на исследовательский процесс, его ориентацию на удовлетворение жизненных нужд человека и общества.

Как известно, законодательство отражает объективную реальность более непосредственно, чем иные субъективные факторы, оно прямо ориентировано на воплощение в действительность. Правовое регулирование общественных отношений оказывается тем эффективнее, чем точнее оно выражает политические, экономические и духовные условия, процессы и потребности развития общества.

Образно говоря, между «сущим» и «должным» нет непроходимой пропасти, более того, они находятся в органическом единстве. «Должное» нельзя

абсолютизировать в качестве демиурга «сущего». В той же мере не следует провозглашать «сущее» односторонне объективным, в котором полностью отсутствуют сознание, мышление, «должное». Не только в гносеологическом, но и в онтологическом отношении «сущее» в снятом виде включает в себя «должное», которое, в свою очередь, воздействует, преобразует «сущее», создавая тем самым его «вторую природу». Потребность создания того или иного правового акта, его реализации так или иначе обусловлена природой и закономерностями «сущего», которое будучи зафиксировано «должным» (правовыми предписаниями), определенным образом регулирует, направляет, развивает это «сущее» — соответствующие общественные отношения. В этом единстве и взаимопроникновении и выражается правовое «духовно-практическое освоение мира».

В этой связи представляется недостаточным распространенный в философии взгляд на практику как на стимул, цель познания и критерий его истинности. Так практика оказывается за пределами познавательного процесса. Между тем практика обладает диалектической универсальностью в том смысле, что не только является стимулом, целью и критерием истинности познания, но и имманентно вплетается в сам процесс познания «сущего», составляя необходимый компонент, сторону, свойство этого процесса. Данная особенность практики наглядно выражается в праве: разработка законов и подзаконных актов не имеет смысла без их реализации, прямо и непосредственно направленной на практическое преобразование «сущего».

Не следует, далее, «сущее» понимать лишь как единственно необходимое. Такое представление упрощает правотворческую и правореализующую деятельность: достаточно уловить, понять и отразить необходимость в этой деятельности и успех автоматически обеспечен. В действительности правовая деятельность намного сложнее. Познание необходимости требует глубоких и всесторонних изысканий, профессиональных знаний в воплощении познанного в законодательстве и его реализации. При этом нельзя не учитывать и того обстоятельства, что «сущее» проявляет себя и в случайном как в «частной форме необходимости». Более того, случайность может выражаться и самостоятельно, вне всякой связи с необходимостью. Нередко правовая деятельность сталкивается с таким сочетанием случайных факторов, которое не только не имеет ничего общего с необходимостью, но и прямо противоположно. И эти обстоятельства умножают трудности как правотворческой, так и правореализующей деятельности. Они могут быть преодолены лишь путем осмысления единства «сущего» и «должного», теоретической и практической деятельности.

В связи с изложенным следует отметить бытующее в правоведении одностороннее, узкое понимание практики главным образом как практики юрисдикционной. Между тем практика для всех наук, в том числе и правоведения, предстает не только как непосредственно данная среда, но и как объективное бытие вообще. Расширенное понимание практики как реальной общественной жизни в целом позволяет, в частности, юридическому мышлению отразить в правотворчестве глубинную сущность бытия, выразить опыт прошлого, тенденции настоящего и перспективы будущего. То же с известным своеобразием применимо к правореализации, познание которой невозможно достичь путем анализа единичных случаев применения правовой нормы. Из обобщения определенной совокупности единичных актов применения тех или иных правовых норм можно составить более или менее полное представление о правоприменительной деятельности соответствующих органов. Но этим исследование проблемы не может ограничиться, ибо за пределами деятельности данных органов остается огромная масса вопросов положительного действия правосознания, норм права, правоотношений, иных правовых явлений и процессов, органически вплетенных в живую ткань общественного бытия, изменения социальной практики.

Данное широкое понимание практики в познании и роли познания в практике может служить четким ориентиром в исследовательском процессе. Как известно, логическая «мыслительная модель» действительности в специальных исследованиях, особенно юридических, имеет тенденцию отходить от этой действительности. Это естественно при восхождении от конкретного к абстрактному и при движении теоретической мысли в обратном направлении. Именно поэтому на каждой ступени познания, в частности правовой действительности, необходимо на практике проверять соответствие ей правовых абстракций, чтобы избежать опасности превращения «духовно конкретного» в «процесс возникновения самого конкретного»⁹. Рождаясь на почве правовой действительности, правовые абстракции должны отражать потребности практики дальнейшего правового развития и вместе с тем

проверяться практикой, корректироваться и совершенствоваться ею в целях прогрессивного правового развития. Опасность ухода правовой теории от реальной правовой действительности преодолевается путем не только проверки соответствия правовых абстракций практике правового развития, но и непосредственной включенности практики в правовую теорию познания. Благодаря этому практика обогащает исследование животворными соками непосредственной действительности, ею определяется, направляется и проверяется. Познание без практики превращает теоретическое мышление в умозрение, замкнутое в самом себе. «В таковой обители пришедшего к самому себе и лишь в себе пребывающего мышления умолкают интеллекты, движущие жизнью народов и индивидов»¹⁰. С другой стороны, включенность правовой теории в практику правового развития превращает первое в осознанно целенаправленный, рациональный и планомерный процесс преобразования реальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель. Наука логики. М., 1970. Т. I. С. 83, 84.
2. Гегель. Соч. Т. VI. С. 3157.
3. Кант И. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 60.
4. Керимов Д.А. Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.
6. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 107.

REFERENCES

1. Hegel. The Science of Logic. M., 1970. Vol. I. P. 83, 84 (in Russ.).
2. Hegel. Essays. Vol. VI. P. 3157 (in Russ.).
3. Kant I. Essays. M., 1966. Vol. 6. P. 60 (in Russ.).
4. Kerimov D.A. The subject of Philosophy of Law // State and Law. 1994. No. 7. P. 4 (in Russ.).
5. Mar K., Engels F. Essays. 2nd ed. Vol. 12. P. 727 (in Russ.).
6. Solovyov V.S. Essays: in 2 vols. M., 1988. Vol. 2. P. 107 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЕРИМОВ Джангир Аббасович — член-корреспондент Академии наук СССР и Российской академии наук

Authors' information

KERIMOV Dzhangir A. — Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

¹⁰ Гегель. Наука логики. Т. I. С. 84.